

ИДЕЯ «РЕСТАВРАЦИИ» СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА¹

Аннотация: Старая мечта романтиков о научно-поэтическом восстановлении славянского демонологического пространства в среде русских символистов со второй половины 1900-х гг. стала особенно актуальной. Это связано и с общим интересом культурной элиты к национальным древностям, и с высоким уровнем филологического образования основных представителей символизма, и, опосредованно, с такими направлениями внутрисимволистской мысли как теория соборного творчества Вяч. Иванова. В докладе рассматриваются прежде всего теоретические подходы к указанной проблеме, предложенные В. Брюсовым, С. Городецким, А. Ремизовым, А. Кондратьевым.

Ключевые слова: символизм, славянская мифология, фольклор, мифологическая реконструкция

Summary: The old romantic dream of scientific and poetic reconstruction of Slavic demonological space among the Russian Symbolist has become actual since the second half of the 1900s. It is connected with the general interest of the cultural elite to national antiquities, and with a high level of philological education of the main representatives of symbolism, and, indirectly, with such directions as the theory of V. Ivanov. The report reveals theoretical approaches to this problem proposed by V. Bryusov, S. Gorodetsky, A. Remizov, A. Kondratyev.

Keywords: symbolism, Slavic mythology, folklore, mythological reconstruction

Старая мечта романтиков о научно-поэтическом воссоздании славянского демонологического пантеона в среде русских символистов со второй половины 1900-х гг. стала особенно актуальной. Это связано и с общим интересом культурной элиты к национальным древностям, и с высоким уровнем филологического образования основных представителей символизма, и, опосредованно, с такими направлениями внутрисимволистской мысли как теория «соборного творчества» Вяч. Иванова. Пионером этого движения стал известный поэт-символист старшего поколения Константин Бальмонт, выпустивший в 1907 г. сборник «неомифологических» стихотворений «Жар-Птица. Свирель славянина», ставший первой попыткой символистского «воссоздания» «мира психологических переживаний древнего славянина».²

Сторонники мифологической школы, авторитет которой в начале XX в. еще не был окончательно ниспровергнут, рассматривали традиционный фольклор, обряды и суеверия как «остатки» некогда существовавшей стройной системы мифов, отражающей языческие воззрения человека на природу, прежде всего на небесные и метеорологические явления и на растительный мир. Из этого следовало, что, собирая и изучая народную христианскую культуру под таким углом зрения, можно реконструировать сначала «основной миф», а затем и всю языческую славянскую мифологию. Теория Бальмонта вполне соответствовала взглядам мифологов. Поэт сравнил «основной миф славянства» с Жар-Птицей, от которой остались лишь перья: «Народные поверья - / Неполные страницы, / Разрозненные перья, / От улетевшей птицы. / ... / Лишь видишь – здесь блестела / Воистину Жар-Птица».³ Закономерно, что основным научным пособием для поэта стали «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н. Афанасьева.

Критические отклики на сборник Бальмонта хорошо иллюстрируют значение мифологических «реконструкций и реставраций» для русского символизма. С.М. Городецкий, например, сравнивал эту задачу с «задачей Гомера и Данте», подводя под нее историческое обоснование: «... на полпути было остановлено развитие славянской души принятием чужой веры, и еще не слившиеся в один костер языки огня были залиты заморским крещением».⁴ (В том же 1907 г. вышла и книга стихов самого Городецкого по мотивам славянской мифологии, которая, по словам автора, должна рассматриваться как «разрозненные листы», отдельные «сохранившиеся» песни какого-то большого древнего «эпоса»⁵).

В.Я. Брюсов также отметил значительность и актуальность задачи поэтического воссоздания народной мифологии.⁶ Оба рецензента оценили книгу Бальмонта как неудачный шаг, сделанный, однако, в правильном и перспективном направлении. Городецкий, например, сравнив фольклорные

© Ю.В. Розанов, 2015

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).

² Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. «Поэт с утренней душой»: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта. М., 2003. С. 217.

³ Бальмонт К.Д. Жар-Птица. Свирель славянина. М., 1907. С. 3.

⁴ Городецкий С. Тень прочтенной книги. К. Бальмонт: «Жар-Птица»... // Весы. 1907. № 8. С. 59.

⁵ Городецкий С. Собрание стихов. СПб., 1910. Т. 1: Ярь. Кн. 1-2. С. 3.

⁶ Брюсов В. Новые сборники стихов (К. Бальмонт: «Жар-Птица»...) // Весы. 1907. № 10. С. 50.

стилизации в «Жар-Птице» с подлинными текстами были и заговоров, отметил исчезновение у Бальмонта ключевых слов, сцен и имен и на этом основании назвал книгу «дурной тенью народной души».

Но самое существенное, что оба критика предложили конкретные (конечно, в рамках символистских представлений) методологии работы художника слова с мифологическим материалом. Городецкий, с одной стороны, предлагал писателю «собрать все варианты, сличить их, составить наиболее характерный извод, сберегая каждое словечко, намек, обмолвку», а с другой – «не пересказывать, а брать образ и вмещать в него свое содержание. В одном слове угадывать поэму. Весь фольклор пустить на семя и вырастить небывалый лес».⁷ О похожей «двусоставной» методике заявил и Брюсов, лишь несколько уточнив формулировки: «Решить такую задачу можно только одним из двух способов. Или претворить в себе весь хаос народного творчества во что-то новое, воспользоваться им лишь как темными намеками, как материалом, который надо переплавить для иных созданий. Или, восприняв самый дух народного творчества, постараться только внести художественную стройность в работу поколений, ... повторить работу древних певцов».⁸

В этих же категориях несколько позднее рассуждал и А.М. Ремизов. В своем знаменитом письме в редакцию «Русских ведомостей», напечатанном 3 сентября 1909 г., в самый разгар работы над книгой «мифологических реконструкций» «К Морю-Океану», он заявил о высшей цели своего творчества по фольклорным источникам: «Работая над материалом, я ставил себе задачей воссоздать народный миф, обломки которого узнавал в сохранившихся обрядах, играх, колядках, суевериях, приметах, пословицах, загадках, заговорах и апокрифах». Методику своей работы писатель объясняет в духе сравнительного метода: «При воссоздании народного мифа все сводится к разнообразному сопоставлению известных, связанных с данным именем или обычаем фактов и к сравнительному изучению сходных у других народов, чтобы в конце концов проникнуть от бессмысленного и загадочного в имени или обычае к его душе и жизни, которую и требуется изобразить». Другим способом работы писателя-символиста с фольклорным материалом Ремизов, вслед за Городецким и Брюсовым, считал «художественный пересказ», когда задача художника сводится к «развитию в избранном тексте подробностей или к дополнению к этому тексту, чтобы в конце концов дать сказку в ее возможно идеальном виде».

Далее в своем письме-манифесте Ремизов конкретизирует идею реконструкции праславянского мифа, представляя ее растянутым во времени процессом коллективного мифотворчества, что близко к концепции «соборного творчества» Вяч. Иванова: «Ставя своей задачей воссоздание нашего народного мифа, выполнить которую в состоянии лишь коллективное преемственное творчество не одного, а ряда поколений, я, кладя мой, может быть, один единственный камень (выделено нами. - Ю.Р.) для создания будущего большого произведения, которое даст целое царство народного мифа, считаю своим долгом вводить примечания и раскрывать в них ход моей работы. Может быть, равный или те, кто сильнее и одареннее меня, пытая и пользуясь моими указаниями, уже с меньшей тратой сил принесут и не один, а десять камней и положат их выше моего и ближе к венцу».⁹ Ремизовские «примечания» - это уже атрибут научного дискурса. Вполне закономерной выглядит реакция Вяч. Иванова, который, прочитав ремизовское «Письмо в редакцию», отметил в дневнике, что оно «обстоятельное и интересное как статья – о мифотворчестве, с очень широкими горизонтами».¹⁰

Работу Ремизова над книгой «К Морю-Океану», на наш взгляд, следует рассматривать как попытку создать сводный текст по народной демонологии, своего рода новые «Поэтические воззрения славян на природу», собственно поэтическим компонентом которых должен стать современный символизм. Об этом свидетельствует и большое число мифологических персонажей, представленных писателем, и общетеоретические установки на реконструкцию мифа и «соборное» начало творчества, и, наконец, явно выраженная установка на научность, демонстрируемая во введении примечаний с пояснениями и указаниями источников. Именно свода ожидала от Ремизова и литературная общественность. 29 декабря 1911 г. А.А. Кондратьев, еще не зная о выходе книги «К Морю-Океану», писал Ремизову: «Все жду, когда Вы напишете российскую мифологию. Это будет презанимательная книжка».¹¹

⁷ Городецкий С. Тень прочтенной книги... С. 63, 64.

⁸ Брюсов В. Новые сборники стихов... С. 50.

⁹ Попутно отметим, что появляющийся в этом письме мотив малых дел, возможно, и идеологически, и стилистически восходит к народнической риторике. Н.К. Михайловский предсказывал: «Придут другие маленькие люди и расскажут так же откровенно и так же без претензий, как я, все, что они пережили и видели. А потом придет большой человек <...>, подберет все наши мелочи, сгруппирует их, осветит и такую поразительную красоту вам предъявит, что вы ахнете» (Михайловский Н.К. Вперемежку. (Фантазия, действительность, воспоминания, предсказания) // Михайловский Н.К. Сочинения. СПб., 1887. Т.4. Стлб. 235).

¹⁰ Иванов Вяч. Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т.2. С. 803.

¹¹ Топоров В.Н. Неомифологизм в русской литературе начала XX века. Роман А.А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Trento, 1990. С. 217.

Предельная простота изложения, разговорная интонация, «сказочность» сюжета делали реконструкцию народного мифа доступной неискушенному читателю, даже ребенку. Все это в общем плане соответствует эстетической утопии мифотворческого искусства, в котором элитарная культура сольется с культурой низовой, простонародной: «Истинный символизм, - считал Вяч. Иванов, - должен примирить Поэта и Чернь в большом, всенародном искусстве».¹²

Ремизов не только осознал себя продолжателем фольклорной традиции, но и убедил в этом значительную часть читателей и критиков. Определения «сказитель» и «сказочник» применялись по отношению к нему едва ли не чаще, чем слово «писатель». Уже в 1913 г. Б.М. Эйхенбаум подчеркивал, что Ремизов «не рассказчик, а сказитель».¹³ «Последним из народных сказителей» называл Ремизова К.В. Мучульский.¹⁴ Современная писателю критика зачастую намеренно не отделяла ремизовские версии фольклорных сюжетов от подлинных народных произведений. В рецензии на сборник писателя «Николины притчи» З. Н. Гиппиус замечала: «Не знаю, все ли “притчи” Ремизовым только взяты или сочинены иные, но это безразлично: они единого духа. Ремизов тут почти не писатель, просто один из многих “создателей” Николиных “сказов”».¹⁵ При этом сам писатель, судя по целому ряду разновременных высказываний, четко различал фольклор и литературу, народное сказительство и индивидуальное профессиональное творчество.

В ходе работы писателя над книгами «Лимонарь» и «К Морю-Океану» произошла смена научных приоритетов. Ремизову стала очевидна искусственность построений сторонников мифологической школы, их замкнутость в пределах славянского мифа. Писатель становится сознательным сторонником сравнительно-исторического направления, а «Разыскания в области русского духовного стиха» академика А.Н. Веселовского его настольной книгой. При этом «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н. Афанасьева оставались для писателя ценнейшим источником фольклорно-этнографического материала.

В культуре эпохи символизма можно найти пример и встречного движения – не только писатели пользовались трудами этнографов и фольклористов, но и ученые порою с интересом смотрели в сторону символистов. По распространенным в науке того времени представлениям, вошедшим в учебники, изначально мифология и фольклор создавались профессиональными поэтами древности.¹⁶ Раз поэзия и мифология исторически едины, то и сводный труд должен создаваться совместными усилиями поэтов и ученых. Достаточно фантастическую идею такого сотрудничества удалось осуществить в 1908 г., когда увидел свет академический том «Народная словесность» под редакцией приват-доцента Е.В. Аничкова.¹⁷ Аничков привлек к сотрудничеству не только ученых-единомышленников, но и поэтов А. Блока и С. Городецкого, критиков Е. Елеонскую и К. Арабажина. Предполагалось, очевидно, что современные поэты увидят в произведениях своих древних коллег нечто такое, что ускользало от внимания исследователей. Конечно, научная значимость работ дилетантов была не велика, и даже лучшая из них – «Поэзия заговоров и заклинаний» А. Блока – представляла всего лишь компиляцию из известных источников, но сам факт такого сотворчества ученых и писателей ярко характеризует настроения эпохи.

¹² Иванов В.И. Поэт и Чернь // Иванов В.И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 142.

¹³ Эйхенбаум Б. О литературе. Работы разных лет. М., 1987. С. 292.

¹⁴ Современные записки. 1932. Т. 48. С. 480.

¹⁵ Нева. 1997. № 5. С. 219.

¹⁶ Келтулла В.А. Курс истории русской литературы. Часть 1. История древней русской литературы. СПб., 1913. Кн. 1.

¹⁷ История русской литературы / Под ред. Е.В. Аничкова, А.К. Бороздина и Д.Н. Овсянино-Куликовского. М., 1908. Т. I: Народная словесность.